

**Салон Анны Павловны Шерер.
Вечер Анны Павловны был пущен. Веретена с разных сторон
равномерно и не умолкая шумели.**

Князь Андрей Болконский был
небольшого роста, весьма
красивый молодой человек с
определенными и сухими
чертами. Все в его фигуре,
начиная от усталого,
скучающего взгляда до тихого
мерного шага, представляло
самую резкую
противоположность с его
маленькою оживленною
женой. Ему, видимо, все
бывшие в гостиной не только
были знакомы, но уж надоели
ему так, что и смотреть на них
и слушать их ему было очень
скучно

...Вдруг из
соседней комнаты
послышался бег к
двери нескольких
мужских и женских
ног, грохот
зацепленного и
поваленного стула,
и в комнату
вбежала
тринадцатилетняя
девочка, запахнув
что-то короткою
кисейною юбкою, и
остановилась
посередине
комнаты.

Через минуту вошла Соня, испуганная, растерянная и виноватая. Николай подошел к ней и поцеловал ее руку. Это был первый раз, что они в этот приезд говорили с глазу на глаз и о своей любви.

...Все, что только было в зале, с улыбкою радости смотрело на веселого старичка, который рядом с своею сановитою дамой, Марьей Дмитриевной, бывшей выше его ростом, округлял руки, в такт потряхивая ими, расправлял плечи, вывертывал ноги, слегка притопывая, и все более и более распускавшеюся улыбкой на своем круглом лице приготавливал зрителей к тому, что будет.

Над креслом стояли духовные лица в своих величественных блестящих одеждах..., с зажженными свечами в руках, и медленно торжественно служили.

Генерал-аншеф князь
Николай Андреевич...,
как при Павле был
сослан в деревню, жил
безвыездно в своих
Лысых Горах с дочерью,
княжной Марьей, и при
ней компаньонкой
мамзель Бурьен.

Она перекрестилась,
поцеловала образок и
подала его Андрею.
– пожалуйста, Andre,
для меня...

Из больших глаз ее
светились лучи
добротного и робкого
света...и делали лицо
прекрасным

Князь Николай Андреевич слушал, как верховный судья слушает доклад, только изредка мычанием или коротким словцом заявляя, что принимает к сведению доклад.

Батальоны закричали «Ура» и «Vive l'Empereur!»... Его (Ростова), как неожиданность, поразило то, что Александр держал себя как равный с Бонапарте и что Бонапарте совершенно свободно, будто эта близость с государем естественна и привычна ему, как равный обращался с русским царем.

Барabanщик-запевала...
затянул протяжную
солдатскую песню,
начинавшуюся: «Не заря
ли, солнышко
занималось...» и
кончавшуюся словами:
«То-то, братцы, будет
слава нам с Каменским-
отцом...»

Песня эта была сложена
в Турции и пелась теперь
в Австрии, только с тем
изменением, что на
место «Каменским-
отцом» вставляли слова:
«Кутузовым-отцом».

— Прибавь рыси! —
послышалась команда, и
Ростов чувствовал, как
поддает задом, перебивая
в галоп,
его Грачик,
Он вперед угадывал его
движения, и ему
становилось все веселее
и веселее.
«Ох, как я рубану его», —
думал Ростов, сжимая в
руке эфес сабли.

Денисов, заваливаясь назад и крича что-то,
проехал мимо него

В дыму, оглушаемый непрерывными выстрелами, заставлявшими его каждый раз вздрагивать, Тушин, не выпуская своей носогрелки, бегал от одного орудия к другому, то прицеливаясь, то считая заряды, то распоряжаясь переменной и перепряжкой убитых и раненых лошадей, и покрикивал своим слабым, тоненьким, нерешительным голоском

Юнкер был Ростов. Он держал одною рукой другую, был бледен, и нижняя челюсть тряслась от лихорадочной дрожи

— Пьер во время проводов гостей долго оставался один с Элен в маленькой гостиной, где они сели.

Он часто и прежде, в последние полтора месяца, оставался один с Элен, но никогда не говорил ей о любви. Теперь он чувствовал, что это было необходимо, но он никак не мог решиться на этот последний шаг

Князь Андрей с батальоном уже был в двадцати шагах от орудий.
Он слышал над собою не перестававший свист пуль, и
беспреданно справа и слева от него охали и падали солдаты.

Где оно это высокое небо, которого я не знал до сих пор и увидел нынче? – было
первою его мыслью. – И страдания этого я не знал также, - подумал он. – Да, я
ничего, ничего не знал до сих пор. Но где я?